

Олег Викторович Никитин

Стеклянная пыль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143498
Олег Никитин. Стеклянная пыль: АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-024361-8

Аннотация

...Тюрьма далекого будущего.

Искусственно воссозданное далекое первобытное прошлое человечества. Первобытный мир, в котором правят уже давно одичавшие потомки первых «ссылных».

Теперь в этом мире появляется новый человек. Человек, чья задача – любой ценой найти сбежавшего опасного преступника, сумевшего найти разгадку тайны Стеклянных призм – источников энергетической жизнедеятельности «каторжного мира».

Вот только – не будет ли цена поимки беглеца слишком высокой?..

Содержание

Часть первая	4
1. Туман	4
2. Бруко	6
3. Геша	8
4. Жертва	11
5. Свадьба	14
6. Кущи	17
7. Связь	21
8. Лидия	23
9. Следы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Олег Никитин

Стеклянная пыль

повесть

Часть первая

1. Туман

Как часто случалось после наступления осени, я проснулся незадолго до рассвета от ужасного холода. И не удивительно, ведь шкура бути, которой я укрывался, во многих местах хранила следы долгой службы человеку. Мне давно пора было подыскать себе другую.

Старый Хьюх, чьим главным делом было поддерживать огонь ночью, дремал над одиноким язычком пламени. У входа в пещеру глухо сопел ночной хищник, судя по всему хрумух. Эта тварь сдвинула полог и раньше времени остудила пещеру, переминаясь и двигая челюстью так, что я слышал скрип мощных зубов.

Мне очень не хотелось вылезать из-под шкуры, и я устался на эту кучу мяса и когтей, внушая ей желание убраться. Из-за плеча чудовища выглядывал кусок рассветного неба темно-розового цвета. С доброй мыслью о шамане, предсказателе погоды, я дорисовал эту картину всеми виденными мной здесь видами облаков – легкими белоснежными перистыми, внушительными лимонно-желтыми кучевыми и бледно-розовыми, изредка серыми или фиолетовыми огневиками, летящими по ветру в нетерпеливом желании расплескать свои разноцветно пылающие, но холодные как лед шары-убийцы. Особенно смертоносными, будучи самыми крупными и долговечными, считались сиреневые.

Настырный хрумух догадался, что я ни за что не выйду биться с ним один на один, повернулся на коротких мускулистых лапах и заковылял прочь. «Противная кровожадная зверюга», – мстительно подумал я. Тем временем папаша Хьюх совсем расслабился и свесил нос в красные угли так, что затрещала седая клочковатая борода, распространив вокруг едкое зловоние.

Я подоткнул под себя углы шкуры и попытался уснуть, но без всякого успеха. Какое-то время я тупо таращился во тьму, затем осторожно оперся на ладонь, сдвинул шкуру и выпрямился. Холодный воздух мгновенно проник под одежду, довольно крепко сработанную местным скорняком из шкур бутей. Мой наряд состоял из меховых штанов, почти новых, и длиннополой рубахи с рукавами, кое-где разъеденными кровью и слюной крылатых шипоклювов, на которую я, кстати, ее выменял. Прежнюю, самую первую и по местным меркам весьма необычную и добротную, я употребил вместо топлива, за что получил нагоняй от Лумумбы – в пещере всю ночь воняло как от прогорклой слюны моих жертв. А все потому, что стоило мне у него поселиться, Косорот заявил, что заботиться обо мне никто не собирается, поэтому пришлось осваивать обычаи поселенцев и добывать себе пропитание. С изрядным трудом я постиг искусство ловли мелких степных зверюшек силком, а также сбора съедобных ягод. Ядовитые, как выяснилось, я умел собирать без всякой подготовки. Что касается крупных зверей – травоядных, конечно, с хищниками не связывались даже самые знатные охотники – то лук, изготовленный мной, не отличался точностью. Особенно же меня удручало то неуважение, с каким копытные относились к моим кривоватым стрелам – они их дерзко выкусывали и неторопливо удалялись, по-моему, нагло усмехаясь. Внушению эти безмозглые создания почти не поддавались.

Так получилось, что вскоре после моего появления Косорот стал толстеть, даже костлявость его жены уже не так пугала соплеменников, и они связали эти перемены со мной. И справедливо. Потому как, очнувшись на жертвенном камне посреди леса, кишящего зверьем, я почти сразу заметил, что могу управлять инстинктами животных и людей. Именно мое подсознание, когда я лежал в беспамятстве на алтаре Бога солнца, оберегло меня от печальной участи раствориться в желудочном соке одного из лесных чудовищ. Каково придется Косороту, утрачивающему свои навыки охоты на зверей, когда я покину его семью?

Я отодвинул Хьюха от углей, спасая остатки его бороды, и неслышно вышел под светлеющее розоватое небо. Ветер дул на восток, отгоняя к пурпурной полосе, охватившей четверть горизонта, последние темные облачка, светящиеся тонкими оранжевыми каемками. Над поверхностью воды, отделенной от меня полосой редких кустов, стлался легкий туман, студеной сыростью оседаая на прибрежных растениях.

Я плотнее запахнулся в накидку, бывшее одеяло, на всякий случай осмотрелся, затем спустился по узкой тропинке к берегу и сел на влажный от росы камень. Туман не преминул осесть на моей растрепанной, давно не стриженной шевелюре. Здесь я удил рыбу в прохладные дни, когда суслики отсиживались в норах. Именно на этом камне меня иногда посещали видения моей прежней жизни, как правило, связанные с рекой, которые Бруко называл ложной памятью. Ложной, потому что вещей и явлений, якобы вспоминаемых мной, в действительности не бывает. Именно так он мне и сказал, старый прорицатель. В самом деле, кому, например, придет в голову добровольно лезть в воду, чтобы просто в ней побарахтаться? Любители плавания все давно в могилах, выражаясь фигурально.

Неожиданный плеск воды вывел меня из задумчивости. Мерзкая тупая морда поднялась над поверхностью реки в двух шагах от берега и уставилась на меня черными выпуклыми глазами. Тонкая шея зуборыла скрывалась под темной гладью воды, где-то там переходя в мощное тело. Этот зверь был еще молод, но успел порядком мне надоесть. Недели три назад он выгнал старого зуборыла с нашего участка реки, и с тех пор пытался наводить на всех ужас. Вот и сейчас он вознамерился откусить мне голову с помощью своих мощных резцов, но неожиданно для себя замер, не в силах даже пошевелиться.

– Ты настойчив, приятель, – сказал я ему и неторопливо поднялся.

Специально для таких случаев я держал в кустах увесистую дубину, ей-то я сейчас и вооружился. Размяв мышцы, я основательно утвердился на берегу напротив зуборыла, взялся за узкий конец дубины обеими руками и поднял ее над головой. Показалось, что в пустых глазах зверя мелькнул страх. Мне стало жаль идиота, и я не стал отводить руки за спину, а просто на выдохе приложился дубиной по макушке твари, точно между глаз. Любой человек от такого удара свалился бы замертво, а вот зуборыл, уныло хрюкнув, шарахнулся от берега и исчез в зарослях камыша. А вдруг вместо того, чтобы вправить ему мозги, я еще глубже погрузил его в пучину безумия? Эта мысль показалась мне безосновательной.

2. Бруко

Приближался день первого листа. Как объяснил мне Носач, старший сын моего «покровителя», этот день определяется шаманом, но, естественно, всегда приходится на конец лета – начало осени. Шаман объявляет о предстоящем празднике за неделю, выйдя из пещеры с восходом солнца и завопив что есть сил:

– Первый лист, ты летишь к земле кружась, в ветре утреннем вьась, жилки темные на солнце, вы длинны и глубоки, если б, лист, ты мог узнать, сколько лету до земли, ты бы лучше подождал хлад нести и дождь занудный... – И тому подобное.

Носач не затруднился исполнить весь монолог шамана, что неудивительно – его прочли в преемники старика. Более того, он официально считался учеником оккультиста.

Шаман отличался странностями поведения, что легко объяснялось его нервной работой. У него было двое взрослых детей, лишенных способностей к ворожбе, из них один сильно отставал от сверстников в развитии и чудом не был съеден дикими зверями за двенадцать лет своей жизни. Основной обязанностью старика было лечить соплеменников, для чего он собирал в степи травы. Из леса и с гор ему приносили сырье охотники – то есть они тащили что попало, он же всему старался найти применение. Старик неплохо разбирался в растениях, а Носач даже иногда ставил на себе опыты, приготавливая различные смеси из редких видов. При мне он однажды смешал корень жубила и лепестки хворостуна, растер их и залил кипятком. На другой день он ходил слегка позеленевший, теряя ногти один за другим. Впрочем, в этот раз ему просто не повезло, ведь заведомо ядовитые растения он не трогал. Один ноготь – на мизинце правой руки – все же остался, но другие, похоже, отращивать не собирались. Носач стал беречь его пуще глаза, полировал кусочком шкуры и ни за что не соглашался обкусать, поэтому ноготь свободно рос и достиг размеров пальца, пока наконец не сломался.

Дня за два до праздника мы с Носачом отправились к шаману в гости – Носач поделиться результатами своих опытов, хотя бы и малоутешительных, я же с целью углубления познаний по части местных обычаев. То есть без всякой цели.

Шамана звали Бруко, он с семьей жил рядом с нами, на краю поселка, в просторной, но несколько сыроватой пещере с низким потолком, прокопченным дымом от вечно горящего очага, на котором и сейчас в глиняном котелке что-то варилось. Сам Бруко сидел на камне у стены и высекал каменным резцом изображение некоего животного, помогая себе плоским окатышем.

Мы с Носачом подошли сзади и встали за плечом художника. Рисунок бегущего волкописа был почти готов, оставалось нанести последние, определяющие пол и возраст зверя штрихи в районе хвоста, головы и туловища, излишне, на мой взгляд, коротковатого. Я сказал об этом шаману, но он ответил, что это, во-первых, еще совсем не старый зверь, а во-вторых, он их столько видел вблизи в молодости, что лучше знает.

Носач принялся излагать шаману результаты своих опытов, я же отошел к выходу из пещеры и посмотрел на открывающийся вид. Ничем, собственно, от давно знакомого мне ландшафта, состоящего из реки, леса и расположенных за ним крутых горных кряжей, он не отличался. Трава у входа в жилище шамана была начисто вытоптана, а на склоне в нескольких шагах от меня сидел, нахохлившись, Айси, младший сын Бруко. Он старался так подбросить камешек, чтобы тот угодил в лунку, выкопанную парнишкой между ног. Я собрался вернуться к Бруко, но меня догнал бесцветный голос:

– Берни.

– Ну, – ответил я равнодушно.

– Берни. Я сегодня чуть не поймал суслика. Я кинул в него камнем, но немного промахнулся, и он убежал в нору. Суслики живут в норах, это такие дырки в земле.

Айси являл собой ходячий толковый словарь. Он любил расшифровывать значения общеизвестных слов, очевидно, не будучи уверен, что собеседнику они известны.

– Знаю, – ответил я.

Айси последовал за мной в пещеру и уставился на произведение наскальной живописи, почти завершенное Бруко.

– Отец, а куда он бежит? – поинтересовался сын.

– На водопой. Или за рогатым бубу, по следам.

Пришла жена шамана, седая женщина преклонных лет, и предложила нам похлебки из внутренностей свежезаколотого бути. Мы с удовольствием принялись уплетать наваристый суп, закусывая сочными кишками. Словно сами собой они длинной вереницей проскальзывали в глотку, наполняя желудок благодными ощущениями. Напоследок, в качестве десерта, мы опорожнили череп бути, заполненный сочными, дымящимися мозгами, только что сваренными.

Шаман жил зажиточно, у него даже имелись обширные запасы шипучего ягодного вина, приготовленного специально для празднования Дня первого листа. Одним словом, мы вышли из пещеры изрядно нагрузившимися, и мне пришла в голову шальная мысль.

– Хей, го-го! – закричал я и сбежал к реке, на ходу настраиваясь на зачатки мозга зуборыла.

– Дядьки-чавычалки к роднику бегут! – восторженно завопил Айси.

Вскоре монстр вылез из воды, тупо озираясь, будто не узнавал местности.

– Что это ты замыслил? – подозрительно спросил меня Носач, неуверенно спускаясь к берегу.

Не отвечая, я согнул звериную шею в форме дуги, прошлепал к нему и взобрался на это скользкое «седло».

– Присоединяйся, – сказал я.

Носач нерешительно хмыкнул, махнул рукой и уселся у меня за спиной. И мы помчались. Мы плыли так быстро, что в ушах свистело, а высокая волна раскачивала прибрежные растения. На берег выскочили детишки и старики, Носач им кричал какую-то чушь, размахивая руками и едва не утащив меня в пучину.

Потом случилось что-то ужасное. Наш зуборыльчик как будто потерял управление и выскочил на берег. Из его пасти летели клочья пены, временами падая на мечущихся по склону жителей поселка и разъедая шкуры. Визг стоял невообразимый. Впрочем, долго в «седле» я не продержался и после очередного крутого виража хлопнулся оземь.

3. Геша

Очнулся я на другой день поздно утром, чувствуя ломоту в костях и, кажется, всех других частях тела. Я отлично помнил вчерашний инцидент – вплоть до бесславного падения – и горько раскаивался. По счастью, обошлось без жертв, иначе лежать бы нам на алтаре, а не у теплого очага со смазанными ушибами и кружкой горького отвара. Видимо, помогло нам и то, что Носач пользовался уважением селян, а также явное отсутствие злого умысла.

Косорот вздыхал, сидя у огня, и курил самокрутку, бросая на меня укоризненные взоры. Судя по глухому ворчанию, Хьюх больше осуждал молодого Носача – за проявленную нестойкость к выпивке и тягу к развлечениям. Нам повезло, что в заплыве не участвовала какая-либо девушка – ее папаша бы нам точно этого не простил.

– Старой Калупе спалило шевелюру, – молвил Носач, притулившись в дальнем углу. – Вот, отведай. – Он налил мне в чашку горячего варева, потом плеснул себе.

Вскоре мне стало намного легче, в голове прояснилось, мышцы напряжились, и я понял, что готов к новым свершениям. Как оказалось, именно этого от меня и ждал Косорот.

– Ну что ж, – проговорил он неторопливо. – Я вижу, вы в порядке, хотя после таких игрищ можно и ребер не досчитать. Вчера собрались старейшины и порешили вот что – за нарушение порядка ты должен отправиться по следам чужака, укравшего Блюмс. Один, заметь. За Носача не беспокойся – он отработает свое на благоустройстве поселка. Я так думаю, что будет бесплатно добывать лекарственные травы.

Косорот наконец не выдержал и горестно возопил:

– Ну какого рожна ты вздумал на берег-то высказывать, Берни! Мало вам реки было?

Я вполне понимал чувства хозяина. Лумумба была расстроена не меньше мужа и даже немножко всплакнула, утирая глаза шкуркой суслика. Хьюх сокрушенно тряс бородой, Носач выглядел удрученным.

– Не кручинься, товарищ, – отвечал я беззаботно, – расскажи мне лучше о Блюмсе. Что это за штука и кому она понадобилась?

– Темная история. Одно время жил у нас парень, чужак вроде тебя, который считал себя самым умным, – неохотно ответил Косорот, зачем-то понижая голос. – Впрочем, он действительно кое в чем разбирался. Один пример – медная посуда, он первым ее выковал.

Охотник продолжал почти шепотом:

– Он ушел за несколько дней до твоего появления и прихватил с собой священный Блюмс, который он сам же и изготовил из меди – так он называл это звонкое и гибкое вещество. Прежний был просто камнем, почти раскрошившимся от жара. Короче, в конце этой весны Тан отправился в лес, как он не раз делал, однако не вернулся. На другой же день выяснилось, что Блюмс исчез. Бруко повздыхал да и выкатил из пещеры свой прежний, каменный. По правде говоря, я не совсем понимаю, зачем старейшинам нужен этот чужак с его поделкой, ну да это уже не моя забота.

– Все, хватит, – сказала Лумумба. – Давайте обедать.

Мы принялись за вареное мясо какой-то птицы, по обыкновению запивая его вином, правда, далеко не таким качественным, как вчерашнее. После трапезы я забыл о своих невзгодах и решил прогуляться.

Свернув из сухого листа папиросу, я вышел из пещеры и взобрался по откосу на неровное плато. Оно простиралось на несколько дневных переходов, вплоть до крутых горных пиков, обильно посыпанных снегом. За эти кручи по вечерам заходило солнце, разливая по небу пурпурные, переливающиеся золотом моря.

Как раз рядом с пещерой в берег вгрызался могучий овраг. Он углублялся в степь на огромное расстояние, разветвляясь и петляя между буграми. Довольно далеко по направле-

нию к поселку двигалась какая-то фигура. Неожиданно, взмахнув руками, она нырнула и словно исчезла под землей. Не свернул бы себе шею в яме, сочувственно подумал я и на всякий случай направился по краю оврага в направлении пропавшего путника.

Справа остался небольшой загончик в ложбине между возвышенностями, в котором паслось несколько бугаев, и среди них два детеныша в пару локтей ростом. Они бодро жевали траву, сваленную хозяином в кучу, и проводили меня бессмысленными взглядами. Взрослый самец мрачно замычал и насутился, но быстро потерял ко мне интерес. Эти крупные четвероногие звери, обладающие прочной ворсистой шкурой и отличным мясом, очень ценятся среди поселян, особенно молодые самки, у которых из сосков можно нацедить белой питательной жидкости, называемой млеком.

Эти упитанные бугаи принадлежали одному из старейшин, Валдаку. Их охранял его младший внук, сидя неподалеку от загона и изучая плывущие в вышине цветастые облака.

– Привет, Колотун, – молвил я, останавливаясь над мальчишкой и срывая высокий стебель засохшей степной травы.

– Здравствуй, Берни, – ответил Колотун, внимательно и настороженно оглядывая мой царский наряд. На его левом плече, с которого сползла шкура, я отчетливо увидел красный ожог от пены, изрыгнутой обезумевшим зуборылом. Парень легко отделался. – Когда в путь, Берни? – спросил нахальный мальчишка, почесывая живот.

– После праздника, – ответил я. – А может, совсем никуда не пойду, если дожди зарядят.

Колотун с сомнением покачал головой и ничего не сказал. Я отправился дальше, стараясь держаться поближе к краю оврага. Уже полгода или больше по его руслу не текла вода, и дно поросло пожелтелой ныне травой и кое-где прутиками приземистых степных деревьев, халупей. Жесткие и ядовитые шипы, по сути очень тонкие трубки, густо сидели на их цепких ветках. Халупь коварна, и не стоит к ней приближаться – растение за несколько шагов чувствует теплокровное животное и выбрасывает когтистую ветвь, впиваясь шипами в незащищенные части тела. Особенно летом, когда мало влаги. На нижних сучьях халупей постоянно болтаются полуистлевшие шкурки мелких степных зверьков.

Неожиданно я почувствовал внешнее давление на сознание, и это мне не понравилось. Я невольно напрягся и замедлил шаг. Через несколько шагов овраг делал крутой поворот на север, углубляясь в степь и постепенно сдвигая заросшие колючками склоны.

И тут я увидел лежащего путника. Видно было, что какое-то время он упорно полз по дну оврага, но выбился из сил и прилег отдохнуть. Одновременно я заметил темную бесформенную глыбу, на первый взгляд неподвижную, но в действительности медленно приближающуюся к человеку. Это существо было способно словно примерзать к любым, даже вертикальным поверхностям, и сейчас оно как раз ползло вниз по травянистому скату.

Это был пузырьник, очень опасный хищник, вынуждающий свои жертвы направляться прямо к нему в осклизлую пасть. Все его усилия были сейчас направлены на то, чтобы парализовать волю раненого путника, и тот, похоже, перестал сопротивляться.

Я внутренне собрался и бросился вперед, блокируя сознание и отвлекаясь на деталях пейзажа. Очевидно, мое нападение оказалось для пузырьника неожиданностью, и я ощутил болезненную слабость в ногах, только когда уже выносил потерпевшего из поля зрения твари. Раненый оказался легким, но у него на боку болталась увесистая сумка из незнамого мягкого материала. Уложив бесчувственного пилигрима на траву, я упал рядом, чтобы слегка отдышаться.

Наконец человек очухался, пошевелился и поднял голову, уставившись на меня. Это была женщина, одетая в какие-то необыкновенные тонкие и совсем не мохнатые шкуры – узкие темно-серые брюки с отворотами, черно-белая курточка средней пятнистости и длинный кожаный жилет без рукавов и с огромным количеством карманов. На изящных ножках ладно сидели запыленные туфли с завязками, а на голове синел шарф. Ее короткие темные

волосы растрепались, карие глаза с красивым разрезом изучающе осмотрели меня с головы до ног, и вдруг она вскрикнула и повисла у меня на шее.

– Берни, я так рада, что нашла тебя!

Я смущенно отстранился и еще раз внимательно всмотрелся в ее возбужденное лицо. В целом все в ней мне понравилось, разве что нос оказался несколько великоват, к тому же к нему прицепился степной клещевик. Я протянул руку и стряхнул паразита, она недоуменно мотнула головой и неловко улыбнулась.

– Кажется, я вывихнула ногу, – сказала девушка.

– Ага, – ответил я, – пойдем отсюда, пока не явился пузырьник. Как тебя зовут и откуда ты меня знаешь?

Явно чем-то обиженная, она отвечала:

– Ну и короткая у тебя память! Я ведь Геша, мы познакомились с тобой на свадьбе у Лидии. А кто это – пузырьник?

По-моему, мы совершенно не понимали друг друга.

– Ужасный хищник, – в свою очередь, удивился я. – Он же за тобой гнался.

Я поднялся и подхватил Гешу под руки, помогая опереться на здоровую конечность. Видно было, что ей трудно стоять на одной ноге, и она с надеждой взглянула на меня.

– Может быть, лучше воспользоваться твоей призмой и прогреть больное место? А то мой компас для этого совсем не годится.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – пробурчал я. Геша едва ли не с ужасом взглянула на меня, видимо, не веря своим ушам. – Ладно, влезай, – сказал я. – Может, бросим твою котомку?

Она решительно замотала головой и вскарабкалась с моей помощью мне на спину. Мы неторопливо двинулись к реке, по направлению к поселку.

– Значит, ты меня спас? – через какое-то время спросила Геша.

– Вроде того. К вечеру бы тварь от тебя и костей не оставила. Видишь ли, пузырьник ползает медленно, зато действует основательно.

Когда мы уже подходили к нашей пещере, я увидел на берегу Паву. Она удила рыбу, и я надеялся, что она не обернется, но она обернулась и, конечно, изменилась в лице, заметив меня, шествующего с Гешей на закорках. Я ослепительно заулыбался и вскинул в бодром приветствии руку.

– Здорово, Павуша, – вскричал я жизнерадостно. – Вот, раненую Гешу подобрал!

Я спиной почувствовал, что Геша несколько напряглась, а Пава, по-моему, позеленела, отвернулась и молча продолжала ловлю рыбы. У нее как раз запрыгал поплавок. Вдруг она повернулась и зло бросила мне в лицо:

– Я тебя, между прочим, уже полдня жду!

– Не кипятись, дорогая, – отвечал я ей примирительно, – я сейчас приду. Геша подвернула ногу.

Пава недобро усмехнулась, глядя мне за спину, и ее вид ясно показывал, что она кое-кому и шею была бы не прочь свернуть. Ее круглое розовошеекое лицо выражало острейшую степень недовольства.

Я поспешил удалиться под своды пещеры. К счастью, Носач оказался дома. Он выслушал мои пояснения и принялся за лечение пострадавшей, я же собрался с духом и выбрался наружу. Пава в некотором смысле была моей невестой, то есть где-нибудь после праздника я собирался начать строительство собственного «дупла» в том же склоне.

Однако Павы снаружи не оказалось – ее сочное тело мелькнуло вдалеке и скрылось за излучиной реки.

4. Жертва

На следующий день нас разбудили гулкие звуки барабана. Обычно он валялся у входа в жилище Бруко, а сейчас его торжественно водрузили на плоский камень в центре селения. Шаман с оттяжкой охаживал свой инструмент крепкой оструганной палкой, извлекая из него бодрящие звуки. Вскоре он утомился и отправился домой перекусить, и мы тоже не зевали.

Геша открыла глаза и стала ощупывать ступню.

– Что это было? – спросила она меня, одарив доброжелательной улыбкой.

– Начинается День первого листа, – ответил Косорот. – Сейчас поедим и в путь.

– Как нога? – поинтересовался я участливо, наворачивая кусок копченого мяса.

– Почти хорошо. Наверное, я уже смогу ходить сама, только боюсь на что-нибудь наступить и разбередить ее. Можно мне пойти с вами?

– За ногу не опасайся, я дело знаю, – самодовольно заявил Носач. – Считаю, завтра сможешь бегать.

– Это точно, – согласился Косорот, хлебая вино.

– Прямо постоянный двор какой-то, – пробурчала неожиданно Лумумба, – откуда вы все беретесь-то? Нигде же нет никого. И все к нам в дом.

– Ладно, молчи! – осадил жену Косорот. – Или не ты рожу при Берни наела? Да ты день и ночь на него молиться должна.

Лумумба обиделась и уткнулась в чашку с отрубями.

Я надел свою лучшую одежду, какую сумел к тому времени скопить, в том числе замечательный широкий пояс из кожи крока, с петлями для оружия. На всякий случай я нацепил на себя узкий каменный нож, изготовленный оружейником Могусом по моему заказу. Длинной ладони в полторы, он удобно ложился в руку, готовый пронзить врагу или зверю сердце или другой внутренний орган.

Причудливее всех вырядилась Лумумба. Она напялила ярко-зеленую накидку, состоящую из сцепленных между собой блестящих шкурок степных ящериц, звонко хрустящих при ходьбе. Симпатичная физиономия Гешы и необычность ее наряда вполне компенсировали ее общую потрепанность.

Мы дружной толпой выбрались из пещеры. Большая часть поселян уже рассаживалась на могучем плоту, пригнанном специальным плотоводцем из заводи, что врезалась в берег немного выше по течению. Мне бросились в глаза грушевидные очертания Айси, коренастая фигура Валдака и колоритный Бруко со священными атрибутами под мышкой: большим зазубренным тесаком, кувшином какой-то жидкости и темным брусом дерева. Особо выделялись охотник Межутка, назначенный в этом году поставщиком жертвенного животного, и крупный грязноватый козлан, которого он крепко связал и спеленал сетью. Жертва озиралась и затравленно блеяла.

Мы запрыгнули на плот, у мужской части корабля оказались длинные шесты, которые были тут же погружены в воду, и судно двинулось к противоположному берегу. Хотя местные жители успели привыкнуть к возникающим то и дело странникам, Геша всех заинтересовала, и отовсюду послышались насмешливые вопросы вроде:

– Косорот, ты стал двоеженцем? Кто это у тебя?

– Я здесь ни при чем! – отвечал хозяин, бросив непонятный взгляд на жену. – Это Берни.

Все обернулись ко мне, кто-то, например, Валдак, нахмурился, а кто-то, наоборот, еще шире раздвинул в улыбке рот. Последний инцидент с зуборылом некоторым показался по-настоящему забавным, и они ждали от меня продолжения. Я поднял левую руку, прося тишины, и возгласил:

– Эту девушку зовут Геша. Вчера она шла по степи и подвернула ногу. Я там прогуливался и нашел ее. Вот и вся история, больше я сам ничего не знаю.

Во время этой краткой речи я заметил Паву, напряженно застывшую в неестественной позе. Она честно пыталась поверить в мою невиновность, но, похоже, у нее это плохо получалось. Геша смущенно сжалась у меня за спиной. Конец этой сцене положило маленькое происшествие: плот внезапно вздрогнул и покачнулся, раздались испуганные вопли. Над водой мелькнула гнусная морда змея.

– Их-хи-хи-хи-хи! – заверещал Айси.

Как видно, зуборыл пришел в себя и решил подкрепиться, и мне пришлось отправить его на дно, в тину. Пострадавшего быстро извлекли из реки. Он дико озирался, не вполне веря в собственное спасение.

Вскоре мы пристали к берегу прямо напротив песчаной косы, выступавшей из воды в южной части поселка. Козлана выпустили из ловушки и развязали: дальше согласно традиции он обязан был идти своим ходом. Поначалу глупое животное сопротивлялось и рыло копытом землю, но крепкая веревка принудила его влиться в общий поток. Мы углубились в лес по широкой тропе, проложенной предыдущими поколениями жертвователей. Впереди шествовали старейшины под охраной лучших охотников, а замыкали колонну мы с Гешей.

Буйная растительность по краям дороги заворожила ее. Действительно, по сравнению со степью здесь было на чем задержать в удивлении взгляд. Могучие туки раскинули над нами свои корявые лапы-ветви, закрывая от нас солнце. На их шершавой, бурой коре лепились последние в этом году цветы самых разных оттенков и форм – от огромных, переливающихся бледной лазурью, до мелких желто-зеленых, исторгших из себя тонкий мохнатый пестик. Хищные выюны облепили стволы гибкими стеблями, вгрызаясь в деревья острыми крючьями. Тут и там торчали огромные многолистники, шевеля своими похожими на цапель стеблями. На их макушках торчали плоские, зубастые раковины. Где-то среди ветвей клекотали безобидные мухоедки, в подлеске кряхтели блумы – пожиратели мелкой падали, ловко отбирающие ее у растений, и повизгивали их близкие родственники мокроухи, любители ягод.

В целом опасности здесь не было. Крупные хищники типа хрумуха днем отлеживаются в густых травах и только с заходом солнца отправляются на охоту.

Мы практически сразу достигли места назначения – мощного валуна с естественным уступом на боку. С этой стороны камня лес был тщательно вырублен, поэтому всем нашлось место, чтобы встать полукругом и лицезреть процесс заклания жертвы. По рассказам Носача я представлял себе дальнейшее действо, поэтому повернулся к Геше и спросил шепотом:

– Геша, ты вообще-то откуда взялась?

Она посмотрела на меня как на идиота и ответила:

– Шутишь? Давай лучше посмотрим.

Меня взяла досада. Что за чушь? Выходит, я должен знать, кто такая Геша? Мне пришлось в голову, что мы, наверное, из одного племени, и она просто явилась за мной. В таком случае, с ее точки зрения, я действительно сморозил глупость.

В этот момент визг козлана прервал мои думы. Зверь что-то заподозрил и забился в истерику, мечась вокруг колышка, к которому был прикован, однако это не нарушило течение ритуала. Бруко продолжал отплясывать некий буйный танец и что-то горланить, периодически вздевая руки. Все вокруг нас погрузилось в транс и покачивались в такт песнопению, и только мы с Гешей пялились на эту картину.

Тем не менее несчастный козлан кое-кого привел в чувство своими воплями. Откуда-то из толпы к нам протолкался Айси и схватил меня за рукав. Его темные глаза страдальчески сверкали.

– Знаешь, о чем оно думает?

– Кто?

– Это бедное копытное. Оно думает: «Зачем ты меня связал, ну зачем?»

Я подавил смешок, одновременно замыслив маленькую шутку, и тут же осуществил свой коварный замысел. Со стороны это выглядело так: козлан насупился, сверля шамана мутным взором, разбежался и мощно наподдал тому сзади своими крутыми рогами. Бруко принял горизонтальное положение, пролетел несколько шагов и рухнул у ног изумленной толпы. Вскочив, шаман в исступлении подлетел к зверю и принялся пинать его сапогами, постоянно натыкаясь на выставленные рога козлана. Совсем озверев, Бруко выхватил из-за пояса жуткий ритуальный кинжал.

Бойцы свирепо сопели и издавали гневные вопли, сражаясь на виду захваченных сценной селян.

– Ванкулия! – ликующе крикнул Айси.

Я с уважением оглянулся на него. Таких красивых слов я не знал.

– Убей его! – подхватил я, стараясь еще больше раззадорить противников.

Толпа разразилась азартными криками:

– Ногой ему в лоб!

– Бей гада!

– В глаз ему, в глаз целься!

Козлан стойко оборонялся, временами переходя в контрнаступление, и скоро шаман выронил свое ужасное оружие. Мятежное животное тут же оттеснило врага от кинжала.

– Обломай ему рога, Бруко! – вопили селяне.

– Сбоку заходи!

– Выдерни ему копыта!

– По черепу, по черепу! Лупи его!

– Тяни за хвост!

– А я в дупле сижу, – невпопад поведаль Айси.

Бруко утомился, а козлан все еще был полон сил, поэтому я решил, что пора прекращать сражение, и отстал от животного. Бруко воспользовался замешательством противника, схватил оружие и сокрушил зверя. Тот пал на бок, обливаясь кровью, и испустил дух. Толпа восторженно заревела.

Не сомневаюсь, что это было одно из лучших жертвоприношений за все время существования ритуала.

5. Свадьба

В том же порядке мы вернулись в поселок. Правда, сейчас большая часть женского населения шагала плотной толпой вокруг Геши, восхищенно трогая ее курточку и штаны. Я не видел лица странницы, но полагал, что она находится в смущении, не зная, как объяснить происхождение таких прочных и тонких материалов. Хотел бы я услышать, что она лепечет по этому поводу, поскольку сам был облачен в нечто подобное, когда осознал себя лежащим на сырой моховой подстилке в лесу.

Зуборыл отдышался и во время переправы провожал наше судно задумчивым взором, прячась в камышах. Похоже, он начал кое-что понимать.

На родном берегу нас ждало роскошное угощение. Оно состояло из всевозможных мясных и растительных блюд, расставленных на огромных гладких шкурах. По плану сегодня должна была состояться хотя бы одна свадьба, однако по собственной воле жениться за целый год никто не захотел. Поэтому приходилось идти на бескровную жертву. Крайним оказался Межутка. Его нареченная, довольно пожилая дева Путси, дочь одного из старейшин, бодро сновала между гостей, излучая восторг. Бесформенным коконом на ней сидело ее праздничное одеяние, сшитое из волокон тростника и обильно окрашенное растительным соком. Круглые глаза Путси прямо-таки сияли. Молодые уселись на видном месте, Межутка залпом осушил кувшинчик вина и приободрился, обретя надлежащий бесшабашный вид.

Валдак поднялся с чашей в руке и произнес поздравительную речь:

– Уважаемые соплеменники! В этот торжественный день двое наших юных друзей соединились в едином порыве и вскоре продолжат наш род. Мое сердце старика ликует при виде такого счастья. Да будет их жизнь долгой и плодотворной!

Мы радостно загалдели и осушили посуду. Застолье разгоралось. Я и Геша сидели ближе к краю пиршественного скопления, рядом с одним из весело похрустывающих костерков. Тут же пристроилась и Пава, с которой после доброй толики напитка спало утреннее напряжение. Я чувствовал себя неплохо, словно забыл, что завтра мне предстоит отправиться в далекий путь. К тому же запеченная в углях рыба была превосходной. Я усиленно набивал живот всякой всячиной, щедро заливая ее вином. Геша с Павой старались не отстать, и вскоре моя бедная невеста с рыданиями бросилась мне на шею. Вокруг стоял ужасный гам, все зачем-то пытались куда-то двигаться, сбивая ногами посуду. Перекрывая гвалт, звучал звонкий голос Айси:

– Под звяки глиняной посуды,
Под плеск бодрящего вина,
Мы вас с женитьбой поздравляем,
И все желаем вам добра!

– Что стряслось, Павуша? – спросил я.

– Как же наша семья? – залилась она слезами. – Что со мной будет?

Я задумался над этим вопросом, но винные пары мешали мне сообразить, поэтому я не отвечал.

– Но я же вернусь обратно! – вскричал я наконец, очень гордый тем, что нашел решение.

– Ты никогда не вернешься, – продолжала стенать Пава с отчаянием в голосе.

Геша задумчиво ковыряла ножом в тарелке, едва не оставляя на ней глубокие зарубки.

– А куда ты собрался? – как-то фальшиво полубопытствовала она наконец, прислонившись ко мне с другой стороны, видимо, обессилев от обильных возлияний.

– Отстань, мать! – заорал где-то Айси. – Я очень худой и у меня желудок слипся!

– Меня сослали в дальние края, – сказал я, – чтобы я нашел Священный Блюмс и принес его в поселок.

– Ах, как это романтично! – обрадовалась Геша.

И в самом деле, если здесь я натолкнулся на непонимание вождей и их явное желание от меня избавиться, то пусть их звери заедают. Но Пава возмутилась и зашлась в гневном кашле, а потом хрипло возопила:

– Тебе-то что с того, что мой жених меня бросает? Думаешь, тебе достанется?

Я решил прекратить назревавшую потасовку и предложил девушкам веселящего напитка. Потом мы встали и, слегка качаясь, присоединились к группе неловко отплясывающих поселян. Кое-кто уже привольно раскинулся на прохладной травке, иные затянули песнь, но все же празднеству чего-то не хватало. Я быстро сообразил, чего именно, отыскал барабан Бруко, схватил какие-то тарелки и устроился перед инструментом. Ритмичные зажигательные звуки ритуального барабана пронесли над головами поселян.

Кто мог стоять на ногах, мгновенно пустился в пляс. Они не смогли противостоять горячим, искрометным и гулким ритмам, извлекаемым мной из инструмента Бруко – даже спесивые старейшины, и те присоединились к безумному танцу, неумело двигая конечностями и подвывая в такт ударам.

Я в исступлении колотил по барабану, ничего не видя вокруг себя. Соплеменники мелькали, время от времени падая, споткнувшись, и смыкая утомленные вежды. Наконец до меня дошло, что все без чувств лежат где попало, я размахнулся и нанес последний удар по барабану, чтобы бодрым аккордом завершить наш веселый танец. Но рука моя неожиданно погрузилась в тело инструмента, прорвав ослабевшую кожу. Я сел на своего поверженного друга и пригорюнился.

Наконец сумерки спустились не берег, скрывая хаос. Все костры, кроме одного, погасли, да и тот едва тлел. Было тихо, и только прохладный ветерок шелестел кустиками крапивника, усеявшими склон.

Я поднялся, чтобы отыскать недопитый кувшин, но вдруг одно из тел медленно поднялось над остальными, держа в руке крупное яйцо либи, круто испеченное на огне. Это оказалась Геша.

– Берни, – молвила она. – Я проголодалась, разбей мне яичко.

Я стал думать, как выполнить ее просьбу. Наконец меня осенило, и я отправился к пещере шамана. Там лежал старый каменный Блюмс, плоский круглый булыжник, переносной символ бога Солнца. Если им стукнуть по яйцу, оно наверняка расколется, и мы славно закусим. Я подтащил Блюмс к месту пиршества, где меня поджидала девушка, и бросил его в цель. К несчастью, я слегка промахнулся: Блюмс скользнул по яйцу, угодил плашмя по мелкому камешку и треснул прямо посередине.

Это было очень печально. Отыскать еду среди черепков и костей – задача не из легких, но в итоге у нас оказались плохо прожаренная и обкусанная нога волчка и чудом уцелевший сосуд с напитком, правда, прокисшим. Мы с Гешей все это проглотили, и нам стало намного легче. Я подбросил в угли хвороста и подул на них, возрождая огонь. В траве стрекотали ночные насекомые, а летающие старательно атаковали язычки пламени.

– Геша, ты кто? – спросил я.

– Мы с тобой одного племени, если угодно, – серьезно ответила девушка. – Хранитель ждет от тебя известий, Берни, и отправил меня выяснить, что с тобой случилось.

Мне это не понравилось. Я не знал никаких других племен в округе, и никаких сведений о них не дошло до нас из глубины веков. Как сказал Носач, всегда было так, как сейчас, и только Тан внес некоторые новшества. С другой стороны, откуда-то же мы возникли? Против этого нечего было возразить, и выходило так, что Геша права.

– Куда ты планировал отправиться? – поинтересовалась она.

- Через лес, на восток, – сказал я. – Почему же послали именно тебя, одну?
- Потому, что я сама так захотела, – отрезала Геша.
- Что ж, – молвил я, – вдвоем веселей идти.
- А втроем вообще замечательно! – заявила Пава, возникая в свете костра.

Я оторопел от неожиданности, Геша тоже смутилась и неловко предложила Паве остатки нашей трапезы, то есть сочную косточку. Но моя подруга сбегала домой и принесла тушку какой-то рыбы с острыми плавниками и полный кувшин отменного вина. Дружба девушек крепла с каждым глотком.

Вокруг началось какое-то движение. Становилось холодно, и отчаянные танцоры пробуждались и расползались по домам. Мы тоже поднялись, проводили Паву до отчей пещеры и тепло пожелали друг другу спокойной ночи.

- Отправление завтра утром, – сообщил я невесте. – Сбор у меня дома.

– Ага, любимый, – отвечала она, пронзая меня горящим взглядом. – Все равно без тебя мне здесь жизни не будет.

- Приходи, сестра! – доброжелательно встала Геша.

Все-таки они были изрядно навеселе. Мы добрались до нашей пещеры и в потемках едва не задавили Хьюха, пока не упали на ложе. Вскоре мы уже мирно сопели, сжавшись в один комок и обернувшись дырявой шкурой.

6. Кущи

Путь наш был относительно легким, по крайней мере вначале. Густые кроны деревьев скрывали нас от жаркого, хотя и осеннего солнца. Обе путешественницы порывались поделить между собой весь наш скарб, однако мне удалось отстоять небольшой мешок с продовольствием, посудой, одеждой и некоторыми другими категориями предметов. Пава выглядела хмурой и мыслями была, похоже, в родной пещере. Я мог только догадываться, какие сильные доводы она привела, чтобы беспрепятственно покинуть родителей, поскольку мой поход за Таном, пропавшим несколько месяцев назад, откровенно смахивал на изгнание. Облачиться она постаралась соответственно обстоятельствам, то есть в кожаную юбку, а также в широкую бесформенную рубашку без ворота и с карманом на груди. Вокруг загорелой шеи на веревочке болтался красивый осколок речной ракушки.

Геша заявила, что ее экипировка вполне годится для похода, и наотрез отказалась переодеваться во что-нибудь местное.

Горячая дружба, разгоревшаяся было между Гешей и Павой, дала трещину, о чем свидетельствовали несколько напряженные физиономии странниц. С тяжелым чувством я ожидал Павиных требований объяснить, кто, наконец, такая Геша и с какой стати она, зная меня всего день, пустилась со мной в путь. К моему изрядному облегчению, все зверье, которое не валялось в кустах, сонно смежив веки, решило испытать на прочность свои глотки и орало мерзко, разноголосо и вразнобой. Вопли сотен тварей, наверняка втайне поражавшихся, что же на них такое нашло, порядком затруднили общение.

Какое-то время Пава молча хмурилась, но вскоре не выдержала и прокричала мне в ухо просьбу заткнуть эту коллективную пасть. В лесу воцарилась тишина.

– Если ты не хочешь ничего объяснять, то и не надо, – обиженно заявила Пава. – Вовсе незачем так орать.

– Давай подождем до вечера. Я сам ничего не понимаю.

Тут вмешалась Геша со своими претензиями, и насекомые обрели свои занудные голоса. Несколько особенно нетерпеливых пернатых также исторгли пробные хриплые звуки, и мы продолжили наш поход.

Ближе к полудню мы вышли на небольшую прогалину рядом с поваленным деревом. У его сломанного основания мрачно возвышался желтый остов крупного экземпляра либи. Тщательно обглоданные кости, практически скрытые буйной порослью, рассыпались горкой, отдельно лежал мелкий череп зверя. Когда мы проходили мимо него, Геша вскрикнула и остановилась, глядя на что-то необычное. Она показала мне два небольших круглых отверстия рядом с глазницами и пояснила:

– Это очень похоже на следы от стрел.

После находки Геша старалась держаться ко мне поближе, и, порой посматривая на нее, я отмечал, что она чем-то изрядно озабочена. Когда солнце находилось в зените, мы выбрали относительно чистое место в лесу и устроили привал.

– Берни, ты вообще-то помнишь хоть что-нибудь? – как-то вскользь спросила меня Геша.

– Только то, что было три месяца назад и позже, – ответил я.

Постучав друг об дружку двумя кусками кремня, я высек искру и развел костер, и Пава принялась разогревать на огне кое-какие припасы, заботливо сунутые Лумумбой в котомку. Геша извлекла из кармашка своей шкуры маленький зеленоватый, слабо светящийся кристалл. В моем мозгу даже всплыло для него название – призма.

– Это мой личный атрибут, освященный и заряженный Хранителем. Сейчас он работает как компас и показывает направление на Тана. – Геша досадливо поморщилась, отмахиваясь от слепня. – Однако сияние слабое, значит, Тан от нас далеко.

– Начни-ка сначала, – мрачно посоветовала Пава, на лице которой ясно читалось страдальческое непонимание.

Пока Геша вела свой рассказ, мы продолжали нашу скромную пирушку. Солнце успело далеко склониться к западу, когда я уже знал кое-какие факты своей прежней жизни. Вкратце дело обстояло следующим образом.

Правитель моей страны, Хранитель Артефакта Вольдемар некоторое время назад столкнулся с трудностями. Его неустанная забота о благополучии и процветании подданных, выражавшаяся в стремлении к увеличению полезной психоэнергии на душу населения, встретила непонимание со стороны так называемых технократов. Они вооружились идеей, будто использование психоэнергии Артефакта, или Лучепреломляющей Призмы, порочно, вредит здоровью и ставит население в унижительную зависимость от Хранителя. Это поколение детей бедных землевладельцев, осевших в столице, не верило в искренность желания Вольдемара улучшить жизнь народа путем лучшей эксплуатации Призмы. Опасная зараза распространялась благодаря деятельности самых активных членов «секты», которые придумали систему орошения полей, так называемые мельницы, угольные печи и прочую дребедень. Влияние Артефакта, поддерживавшего жизнь в государстве, а с ним и власть гуманного монарха Вольдемара, стали ослабевать. Наконец состоялся суд, и смутьянам воздалось по заслугам: многие осели в специально предназначенной для знатных узников крепости, где вели уединенную жизнь отшельников, а наиболее злобный бунтовщик был сослан в дальнюю колонию без права возвращения и переписки. Ему вживили в макушку мелкий осколок призмы для контроля над его перемещениями, хотя сам он не знал, где именно в его теле находится датчик.

Пока Геша вещала, я старательно пытался оживить свою угасшую память, но ничего не добился. Я чувствовал себя ужасно неловко, будто мне поручили сделать что-то важное, а я об этом забыл и, что самое странное, ничуть об этом не жалею. Переживания Вольдемара казались мне какими-то надуманными, хотя объективно я готов был понять его беспокойство. Мне нравилось жить с в этой дикой стране, хотя порой где-то глубоко внутри шевелилось ощущение нереальности окружающего. Я успел привязаться к своей невесте, оказавшейся ею почти случайно после того, как я оттузил ее прежнего воздыхателя, зачем-то прицепившегося к малозначительной детали моей «цивилизованной» одежды. Мне казалось, что местная жизнь более естественна, чем полумифические коллизии неведомого государства, пусть даже и моей предполагаемой родины.

Пава выглядела откровенно испуганной. Чувствовалось, что ее так и подмывает зареветь, затопать ногами и вцепиться Геше в волосы, а то и в глаза. Не случайно рассказчица не сводила с ее рук настороженного взгляда.

Но самым ужасным в этой истории оказалось то, что я, оказывается, был женат, причем на дочери маркиграфа Колябича, едва ли не крупнейшего землевладельца.

После разглашения этой информации началось нечто ужасное – Пава свирепо бросилась на соперницу и осуществила-таки свое намерение. Лес наполнился оглушительными воплями обеих девиц, и очень быстро все было бы кончено, если бы я не разнял обезумевших путешественниц.

– Я всего лишь сестра жены этого монстра, – зло заявила Геша, неприязненно буравя меня смутным взором.

– Проклятье, Пава! – взревел я. – Мне тоже довольно странно выслушивать о себе какие-то басни, однако приходится принимать их на веру. Пока что я не отказывался от своих планов, я просто вынужден их пересмотреть. А что я решу, в какой-то степени зависит и от

тебя. Кроме того, я еще не понял, каково мое место в той нелепой картинке, которую ты, Геша, любезно перед нами развернула.

– Спутался с какими-то дикарями, – заявила Геша с недобрый видом, – а ведь ты известный в стране человек. Мне понятно твоё желание отделаться от Лидии, но зачем при этом отказываться от всего? Реднап, между прочим, не заставлял тебя отправляться в колонию, он просто предложил, а ты ухватился за эту возможность, будто это твой единственный шанс что-то изменить в своей жизни.

– Продолжай, – устало отвечал я, подбрасывая веток в едва тлевший костерок.

– Когда вдруг исчез сигнал от призмы Тана, это обеспокоило Первого Ландлорда Реднапа. Тан не пробыл в ссылке и одного года, и Реднап с согласия Хранителя попросил тебя отправиться на разведку.

– Почему же именно меня?

– Думаю, ему казалось, что тебе будет полезно отвлечься от проблем с Лидией, но самое главное – ты едва ли не единственный, кроме Хранителя, кто был бы здесь в относительной безопасности. Вспомни о своем умении нейтрализовать опасные для тебя намерения... Ты ухватился за его предложение, и на другой день тебя забросили в ту же точку, где в последний раз отметили присутствие Тана. Но похоже, что тебя здесь ждали, – с некоторой долей сомнения прибавила она.

– Ясно, – сказал я. – Меня стукнули по голове, когда я приходил в себя после перехода.

– Я, может быть, и ждала Берни, – сварливо вступила Пава, – но не настолько, чтобы тут же лупить его. Сейчас, понятно, другое дело. Попадись ты мне тогда и знай я, чем это закончится, я бы вздула тебя почем зря.

Мне не оставалось ничего иного, как кисло рассмеяться.

– Я не понимаю, – сказал я, – как можно куда-нибудь «забросить» человека? Я что – камень?

– Такое может сделать только Хранитель, – ответила Геша, и на ее лице мелькнуло странное выражение, как будто она увидела божество. – К сожалению, это дорога в один конец. Знаю только, что она ведет через Ничто, хотя я сама ничего не успела понять... Что касается удара по голове, то речь идет об этом гнусном бунтовщике Тане, – обращаясь к Паве, вежливо пояснила Геша. – Скорее всего, он действительно несколько дней подстерегал проверяющего с дубиной в руках. Обнаружив твоё прибытие, он разыскал тебя в лесу и... а потом присвоил твою призму – неясно, правда, зачем, ведь он не сможет ее использовать – и перетащил на алтарь. Но вот что поразительно – как он заблокировал сигнал от своей микропризмы? Ведь это невозможно сделать, не имея на голове металлической каски!

– Постой-ка, – встрепнулся я. – А медь для этого годится?

– Само собой.

– Тогда я готов объяснить. Тан, вероятно, нашел самородную медь и выковал из нее Блюмс...

– Это еще что за штука?

– Культовый предмет жителей поселка, нечто вроде круглой тонкой пластинки. Как раз хватит, чтобы загнуть ей края и нахлобучить на макушку.

Кажется, я начинал входить в курс дела. Но хоть мой интерес к проблеме борьбы с беглецом и возрос, подогревался он в основном одним обидным обстоятельством. А именно тем, что поверг меня в первобытное состояние некий неведомый мне технократ, которые бессовестно воспользовались моей временной беспомощностью. А каска, вероятно, экранировала не только импульсы призмы, но и его собственные коварные мысли, иначе бы я его, несомненно, обезвредил.

– Кстати, Геша, а как у Тана с ментальными способностями?

– Об этом мне ничего не известно. Если они у него и есть, что крайне маловероятно, без личной, настроенной на него призмы он ими пользоваться не сможет.

А ведь не исключено, что я когда-нибудь встречал этого гнусного злодея. Хотя он и не принадлежал к моему социальному кругу, что можно было вывести из рассказа Геши, мне наверняка показали его изображение, отправляя на это дело. Я потрогал двумя пальцами маленькую зеленоватую серьгу, крепко вживленную в мочку моего левого уха.

– Это твоя личная малая призма, – подтвердила Геша удовлетворенно. – Большую ты потерял в стычке с Таном, но и эта накачана под завязку. – Мне понравилась ее дипломатично-обтекаемая фраза. – Тебе повезло, что Тан не отрезал ее у тебя вместе с ухом. Сегодня тебе нужно будет выйти на связь с Реднапом.

7. Связь

Ночь опустилась на землю быстро. Пава порывалась объяснить, но я мягко прервал ее вопросительные восклицания:

– Позволь мне убедиться в том, что я не сошел с ума.

Мы натянули на длинные палки специальную шкуру, в результате чего возникло хлипкое жилище, не самое теплое и уютное. Гнус пропал, зато заухали мрачными голосами жуткие обитатели ночного леса. Огонь неустанно озарял небольшой пятачок земли, привлекая ночных бабочек.

– Нужно лечь на левый бок и давить ухо, – наставляла меня Геша. – Повтори несколько раз про себя имя Реднапа и попробуй его вообразить.

– Интересно узнать, как, – возмутился я.

– У него худая физиономия, впалые щеки и глубокие глазницы. Волосы абсолютно седые. С шеи на цепочке свисает серебряный кулон в форме фамильного зверя, а именно трубказуба.

– Это что еще за чудище?

– Неважно. Главное не одежда и так далее, а общий образ психота. В данном случае Реднап психот, так как ты его вызываешь, а ты лопоух.

– Обидно, однако. Кстати, если это так просто, почему твой Реднап сам не вызвал меня?

– Все дело в особой природе Барьера, который размывает твои координаты и не позволяет точно на тебя настроиться. Я не смогу объяснить тебе, почему это так. Тебе стоит привыкнуть к тому, что о свойствах Артефакта не рассуждают – их используют.

Я проглотил вопросы, вертевшиеся на языке, забрался в наше пристанище и лег на какие-то одежды. Гешин ковш, подвернувшийся под голову, был с гневом отброшен во тьму.

Закрыв глаза, я принялся вызывать Первого Ландлорда Реднапа. Почти сразу обрисованный Гешей придворный возник передо мной, разогнав мрак шалаша. В общем, он оказался таким, как я и ожидал, и я заметил, пожалуй, лишь одно существенное отличие – щеки Ландлорда раздулись и шевелились, словно две ондатры: он трапезничал. При этом вельможа прихлебывал из высокого серебряного кубка некую пенную жидкость.

На выразительном лице Реднапа явственно читалась работа мысли, возможно, связанная с процессом насыщения. За спиной Ландлорда маячила безмолвная тень, готовая метнуться и осуществить любое желание хозяина. Наконец я сообразил, что забыл позвать этого человека по имени. Что я скажу ему, было мне по-прежнему неясно. Разве что поделиться с ним своими жизненными планами насчет дупла в обрыве?

– Реднап! – твердо подумал я.

Ландлорд на мгновение замер, бросил перед собой осмысленный взгляд и отодвинул в сторону тарелку, затем встал и вышел из помещения. Пройдя несколько шагов в полутемном коридоре, он открыл ключом дверь другой комнаты и достиг незастеленного ложа. После надавливания подушкой на ухо он смог меня увидеть, и бесконечное облегчение отразилось на его лице.

– Наконец-то, мой мальчик, – молвил он, с тревогой вглядываясь в мой мысленный образ. – Ты не ранен?

– Нет, Ландлорд, – мысленно ответил я после некоторого молчания.

Беспокойство Реднапа усилилось.

– Рассказывай, Бернард, – приказал он.

Какая-то странность в облике моего собеседника внезапно стала очень заметной, как будто картина, представлявшая мне, расцветилась радугой эмоций, среди которых я выделил едва ли не панический страх.

– Лучше меня могла бы ответить Геша.

И я выложил Реднапу ее версию того, что случилось более трех месяцев назад, и почему сейчас мы оказались в походе на восток. Старик напряженно слушал, а известие о дырах в черепе либи почему-то особенно взволновало его.

– Он изготовил арбалет, запрещенное оружие! – хмуро заключил Реднап. – Будем надеяться, что через барьер он не пройдет, – словно пытаюсь убедить самого себя, заявил он. – Ах, да, Агнесса тебе о нем расскажет. Теперь понятно, почему ты не называешь меня дядей. – Неожиданно он затуманился. – Не хочу тебя огорчать, Бернард, но Лидия совсем сошла с катушек... Я готовлю почву для того, чтобы Хранитель санкционировал твой развод, он же предлагает подождать еще хотя бы год.

– Немного глупый вопрос, дядя: когда я женился?

Реднап на мгновение смутился.

– Этой зимой, Бернард. Самое неприятное – если Лидия упрется, ты не отделаешься от нее обычным способом и через десять лет.

Им положительно удалось меня заинтриговать. Интересно было бы взглянуть на ту, кого даже родная сестра не выносит, хотя, по зрелом размышлении, этот факт не показателен.

Старик взял себя в руки и сказал:

– Сынок, ты просто обязан настичь Тана. Только, пожалуйста, обзаведись каким-либо надежным оружием. Если ему удастся пробиться в страну... Последствия могут быть ужасными. На периферии у него есть тайные сторонники, которых мы не можем осудить за отсутствием достаточных оснований. Эти якобы обиженные Хранителем полунищие баронеты Кашоны и им подобные отбросы.

Последнее упомянутое стариком имя я уже когда-то слышал.

– Это крайне важно, мой мальчик! – вскричал Реднап, заметив мою усмешку.

Все же бегство какого-то мятежника, пусть и весьма опасного, не вязалось у меня с такой преувеличенной тревогой всемогущего вельможи. Далее Ландлорд разъяснил мне, что местонахождение Тана он определить не в состоянии, согласился с версией об экранировании сигнала Блумсом и одобрил использование личной призмы Геши в качестве компаса.

– Как он моет голову? – в досаде воскликнул дядя. – Хотел бы я присутствовать при этом действе.

Это был по-настоящему любопытный вопрос. Реднап тепло со мной попрощался, не забыв приказать меня регулярно выходить с ним на связь. Его образ медленно улетучился из моего сознания, когда он отнял руку от серьги.

По бокам сопели девушки. Не слыша ничьих речей, я еще какое-то время переживал по поводу провала в памяти, затем расслабился и погрузился в сон.

8. Лидия

Несколько дней однообразного пути, последовавших за этим, мой опустошенный мозг постепенно насыщался деталями прежней жизни. В основном, это было заслугой Гешы, в своих образных сентенциях воссоздававшей нравы обитателей родной страны. Развлекая нас подобными рассказами, Геша, тем не менее, тщательно избегала упоминаний о сестре. Между моими попутчицами образовалась некая замысловатая привязанность: высокомерная, замкнутая Геша, порой смеявшаяся над диковатыми привычками Павы, странным образом сблизилась с ней и находила извращенное удовлетворение в описании моих мифологических пороков. Оказывается, за недолгое время, прошедшее после женитьбы, я успел прослыть дебоширом и мотом и даже едва не угодил в кутузку после конфликта с депутатом, призвавшим коллег издать специальный закон, который бы ограничил типов вроде меня оградой родового замка. И женился-то я, оказывается, на энергии, приведя после смерти отца свои финансы в полное расстройство. Как ни печально, в контексте всего предыдущего это звучало правдоподобно.

Восприятие этих фактов, вероятно, способствовало тому, что вечером пятого дня, лежа у потрескивающего костра и слушая стрекот ночных насекомых, я вспомнил Лидию, ее темные волнистые волосы, сколотые на затылке серебряно-желтой, безумно дорогой вещицей, озорные карие глаза и мочки маленьких ушей. Ее бесконечная внутренняя утонченность приводила меня в замешательство, я словно обезумел и нес чушь о судьбе и тому подобных псевдофилософских вывертах. Она не смеялась, слушая меня, но я чувствовал ее природную защищенность от этих бесплодных и разъедающих душу идей и какое-то почти материнское понимание, но при этом лишенное унижающего сочувствия.

Что же заставляет всех этих людей так отзываться о Лидии? Я отчетливо вспомнил церемонию нашей свадьбы в Храме, хмурый мимолетный взгляд Реднапа, заменившего мне отца, искреннюю радость матери невесты, пожилой маркграфини, и холодно-удовлетворенный вид самого Колябича, худого человека с острым подбородком и жесткими седыми волосами, а также их вторую дочь, имя и лицо которой совершенно не отложились у меня в памяти. Темные волосы Лидии оттенялись алым шелковым нарядом и белым бантом, ноги скрывала узкая юбка с пышными клиньями по подолу, а сквозь глубокий узкий вырез блузки, скрепленной спереди массивной золотой брошью, скромно проглядывала гладкая белая ложбинка.

День начинался прохладным и ясным, чистый снег рассеивал яркие солнечные лучи на крошечные пылающие осколки. К окончанию церемонии западный ветер принес бледно-серые тучи, затянувшие полнеба и размазавшие резкие синие тени. Несмотря на то, что Лидия наотрез отказалась заранее объявить о предстоящей свадьбе, у ворот Храма нас все же встречала небольшая толпа зевак. Наш экипаж, движимый до предела насыщенной Призмой маркграфа, если и доставил кому-либо из них радость, то весьма недолгую. Он являл собой одну из строгих закрытых моделей, предназначенных скорее для разъездов официальных лиц государства, чем для целей, подобных нашей. Разумеется, это стало поводом для измышлений досужих газетчиков. Меня, впрочем, и тогда и впоследствии это мало трогало, чего нельзя сказать о Реднапе, чье родство со мной вскоре послужило поводом для особо гадких сплетен.

Через неделю Лидия предложила отметить «юбилей» свадьбы и позвать на него друзей дома, чем посеяла во мне смутный, почти неуловимый отзвук тревоги. Она заговорила об этом ранним зимним вечером в натопленной маленькой комнате, примыкавшей к обширной, пустующей в это время года гостиной замка. Глядя на огонь в камине, я расслабленно потягивал вино, устав после длительной прогулки на лошадях. Маркграф мог позволить себе

держат около десятка этих экзотических животных. По счастью, я смог удержаться на спине лошади, но мчаться за Лидией по белой дороге, сквозь слабую, едва начинавшуюся метель было очень сложно. Особенно в конце нашей поездки к берегу моря, когда дорогу усеяли громадные валуны, а между ними под снегом таились трещины. Но нам везло, и вскоре мы на полной скорости выскочили на пологий утес. Внизу в беспорядке валялись острые запо-рошенные камни, постепенно исчезающие подо льдом на довольно значительном расстоянии от берега. Дальше неверный лед рвался и из-под него выплескивалась черная, тяжелая вода. Пурга усиливалась. Отсвечивающее в сером небе гало затянула снежная пелена, лошади недовольно храпели и переминались с ноги на ногу, колкий ветер пробирался под меховую шубу и осыпал ледяной пылью уши и нос. Когда мы вернулись в замок, нас никто не встретил, и Лидия отперла дверь в воротах своим ключом.

Спустя один звонок мы встретились в комнате на первом этаже, Лидия стала просматривать какую-то книгу, я подогрел на огне вино. Ее предложение собрать в городском особняке окрестную молодежь, практически мне незнакомую, несколько обескуражило меня. Я планировал увезти жену в свой заброшенный замок, придать ему, так сказать, обитаемый вид, несколько утраченный за те годы, что прошли после смерти отца. Последние пять-шесть месяцев наш старый управляющий регулярно присылал мне отчеты о своей финансово-хозяйственной деятельности, жаловался на скрытый рост налогов и мягко журил меня за расточительность. Осенью я приезжал с новыми друзьями в свое родовое гнездо, чтобы поохотиться на кабанов и основательно разорить кладовые.

Погода в назначенный день не благоприятствовала поездкам. С моря дул сильный, морозный ветер, поэтому гостей собралось немного, около двух десятков – в основном проживавшие в зимней столице жизнь бедные, но блестящие аристократы и пара примазавшихся к ним дельцов-меценатов от искусства. Некоторых из них я встречал раньше на чужих приемах и был слегка удивлен их знакомством с Лидией.

Так получилось, что я был отвлечен от общей компании каким-то баронетом, молодым человеком причудливой наружности, широколицым, с выступающими вперед резцами, и даже слегка косоватым. Кажется, его звали Людвиг Кашон. В другое время древняя фамилия баронета довела бы меня до колик, тогда же я с трудом запомнил ее, ловя взглядом возбужденно-веселую Лидию. По-моему, баронет тоже следил за моей женой с каким-то мрачно-ватым видом, одновременно ухитряясь смеяться и что-то выспрашивать. Время от времени жутковатое лицо баронета искажалось, он припадал к бокалу с вином, и сквозь стекло мелькало выражение, напоминавшее жестокую зависть и в то же время какое-то безумное зло-радство. В золотом зубе баронета отражалось пламя тысячи свечей, бушевавших под потолком гостиной. Наконец я было отделался от него, сплавив какой-то девице, и устремился к группе гостей, окружавших Лидию. Еще издали я заметил, что Лидия едва не падает, опираясь на спинку кресла, и выглядит бледнее обычного. Напротив нее в неожиданно наступившей тишине пьяно и хрипло хохотал граф Плотяди. Взгляды десятка гостей обратились в мою сторону, я подошел к жене и взял ее под руку, и голос мой прозвучал неестественно спокойно:

– Давайте посмеемся вместе.

9. Следы

Левую ступню обожгло с внешней стороны, я вздрогнул и увидел перед собой Гешу, разливавшую из котелка похлебку. Делая вид, что случайно пролила горячее варево, нахальная девчонка сунула мне в руки чашку, и я тотчас понял, что пока не вылижу ее досуха, ни о чем другом думать не смогу.

– Мы тут смотрели на компас, – заметила Геша, – и выяснилось, что Тан не движется. Еще несколько переходов, и мы встретимся.

Ополаскивая посуду, Пава неожиданно предложила:

– Споем?

И мы затянули старую песню, которую я выучил на какой-то вечеринке в одной из холостяцких пещер. В ней говорилось о молодом человеке, разлученном со своей семьей и сосланном в дикую необжитую местность. Он мог бы отправиться в обратный путь из своей не имеющей границ тюрьмы, но не знает, в какую сторону идти, к тому же его предупредили, что наказанием за побег будет смерть. Пава пела очень недурно, сглаживая допускаемые мной огрехи, сосредоточенно и печально. Допев последний куплет, она сказала:

– Я и раньше подозревала, что в песне есть смысл, а теперь мне ясно, что все в нашем поселке – это просто потомки изгнанных из вашей страны преступников.

Утром я спросил Гешу, почему она решила, что меня вынудили жениться на Лидии.

– Разве Реднап не уговаривал тебя? – с удивлением поинтересовалась она. – Для такого поступка была масса причин, и не мне их перечислять.

– Насколько я помню, он, наоборот, был против.

Геша недоверчиво хмыкнула и занялась хозяйством.

С каждым днем огонек, горевший внутри Гешиной призмы, разгорался все ярче и ярче. Местность, по которой мы двигались, неуклонно повышалась, а растительность, хоть и по-прежнему буйная, редела. Снеговые вершины, казалось, нависали над нами, выделяясь на пурпурном небе – ночью черными, а днем бело-розовыми громадами. Постоянный шум быстрой, холодной речки, сбегавшей с гор, сопровождал наше продвижение вперед. С помощью какого-то неведомого элемента женской одежды, напаянного на палку, мне удалось выловить из прозрачных струй несколько приличного размера рыбин, украсивших Павину стряпню. Осень в предгорьях ощущалась явственнее, чем в долине: утром на траве лежал иней. Я первым вылезал из-под шкур и разводил костер, прыгая вокруг него как сумасшедший в попытке согреться. Почему-то это забавляло моих спутниц, они хихикали, прикрывая покрытую пупырышками кожу теплыми шкурами, и желали получать завтрак в «постель», что изрядно меня огорчало.

Однажды утром Геше показалось, что зеленый огонек в ее компасе слегка потускнел.

– Наверное, заряд кончается, – обеспокоенно заметила девушка, впрочем, без уверенности в голосе.

– А это возможно? – спросил я.

– Нет, – честно призналась Геша, – в нормальных условиях его хватило бы на полгода. Может быть, влияет барьер?

– В чем, собственно, идея этого пресловутого барьера?

– Лучепреломляющая призма особым образом воздействует на местность и человека в его зоне. Без заряженной личной призмы нет смысла пытаться его преодолеть – ты будешь идти, но не сдвинешься с места ни на шаг.

– А как же Пава?

Геша нахмурилась и отрезала:

– Пройдет между нами, если повезет.

Вопрос о потускнении компаса остался открытым, когда мы наконец собрали свой скарб и отправились дальше. Дорога теперь непрерывно поднималась, одновременно заполняясь крайне неприятными скальными образованиями, торчавшими прямо на пути, куда бы мы ни свернули в попытке их обойти. Мелкие деревца стояли пожелтевшими, в начинающей облетать листве. Солнце лупило в глаза, словно пытаясь согреть наши мерзнувшие руки и лица. В небе кружились черные, вытянутые точки огромных горных птиц, очевидно, жестокых хищников. Они долго приглядывались к нашей колонне. Одна из них даже попыталась спикировать нам на головы, но быстро передумала и удалилась ввысь, оглушительно квохча и шелкая клювом.

Часто приходилось отдыхать между камнями, освежая сухие глотки бодрящей ледяной водой. Геша устало сопела, демонстрируя свое аристократическое происхождение. Нос у нее покраснел и облупился под лучами активного солнца, ладони загрубели, а русые волосы немного отросли и прикрывали белую полосу тонкой шеи.

— Знаете, друзья, — заявила как-то раз она, — что-то надоело мне мое прозвище, зовите меня Агнессой, как папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.